

УДК 930.2(100):930.2(476)

И. И. Калачева

(Минск, Белорусский государственный университет)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЁНЫХ**

На современном этапе в научном сообществе белорусских исследователей проблематика исторической памяти стала предметом изучения не так давно. Однако, в работах учёных, таких как А. А. Коваленя, В. С. Иванова, А. Н. Данилов, И. В. Котляров, Е. В. Бакалова, Н. М. Бровчук, Н. Ф. Денисова, А. В. Касович, Т. И. Кухарёнок, С. В. Грунтов, А. А. Ластовский, И. В. Лашук, Т. П. Савчук, О. А. Матусевич, Н. Л. Мысливец уже изучены многие аспекты проблемы. В частности, выделяются работы белорусских социологов Н. Л. Мысливец, А. А. Ластовского, этнологов О. Г. Яценко, Т. И. Кухарёнок, С. В. Грунтова и др.

Белорусские исследователи неоднократно в своих статьях обращались к исследованиям, в основном, зарубежных авторов, нами предпринята попытка обобщить представления, сложившиеся в работах, как отечественных, так и зарубежных учёных и представить наиболее существенные выводы, объединив их в группы по определенному признаку. (*Исследование выполнено в рамках НИР «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № госрегистрации 20212024 от 02.06.2021)*).

Первая группа научных трудов. Представлена работами ряда авторов как зарубежных, так и отечественных. Авторы концентрируют внимание на понятиях историческая, коллективная и социальная память. В своих работах они рассматривают понятия как равнозначные. Обратимся к работам таких авторов как французский социолог и философ Э. Дюркгейм, немецкий философ Э. Гуссерль, французский социолог М. Хальбвакс, австро-американский философ и социолог А. Шюц и др.

Точкой отсчета в изучении коллективной памяти принято

считать работы французского социолога Э. Дюркгейма [5]. Автор поддерживает идею о том, что в традиционных обществах сохранение памяти обеспечивается религией, религиозными обрядами и ритуалами. Основным хранилищем памяти о прошлом и средством его трансляции являются религиозные ритуалы. С развитием общественных процессов коллективное сознание ослабевает, ритуалы перестают выполнять ранее присущую им фундаментальную роль в хранении, трансляции и сохранении памяти. Все большее влияние приобретают универсальные общечеловеческие наднациональные ценности и др. Особое значение для человека приобретает его включенность в различные социальные группы, а механизмом солидарности такого типа становится законодательная норма. По мнению ряда современных исследователей, Дюркгейм не создал законченной теории коллективной памяти.

Немецкий философ Э. Гуссерль обращается к проблеме соотношения памяти и воспоминания: в зависимости от ситуации воспоминание выступает то как процесс конституирования, то как результат данного процесса. В целом же эволюцию взглядов немецкого философа на проблему памяти можно обозначить как постепенное смещение от индивидуальной способности воспоминания к преодолению излишнего субъективизма через категорию интерсубъективности. Э. Гуссерль ввел термин «культурные миры» [4, с. 51]. Исследователи считают, что французскому социологу М. Хальбваксу удалось продолжить теоретические наработки Э. Дюркгейма о коллективной памяти и привнести в эту теорию свое видение [12, с. 29]. Ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, – отмечал в своих работах автор. В книге «Коллективная память», которая была издана после его смерти, нашли отражение новые подходы автора. Если изначально М. Хальбвакс исходил из наличия иерархии различных социальных групп, которые извне навязывают индивиду «рамки памяти», то в последних своих текстах он больше внимания уделял процессу формирования собственно индивидуальной памяти как результата взаимодействий человека в составе различных социальных групп.

Идеи М. Хальбвакса о социальной памяти оказали большое влияние на труды учёного П. Рикёра. П. Рикёр рассматривает память как деятельность, отмечая, что работа памяти осуществляется как внутри, так и вне индивидуального сознания, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества. Общество, переживая ...ситуацию разрыва с прошлым, пытается восстановить память

... через историческую реконструкцию [11].

Отметим вклад австро-американского философа и социолога А. Шюца в развитие идей памяти, который вписывал воспоминание, как и другие формы конституирования реальности, в более общий контекст механизмов формирования социального опыта [13, с. 131-134]. Тем самым очевидной становится согласованность мнений П. Рикера и А. Шюца.

Французский историк П. Нора ввёл понятие «места памяти». Он предложил изучать топографические, монументальные, символические, функциональные «места», с которыми общество связывает свои воспоминания, и создавать историю этих своеобразных «мемориалов».

Места памяти не являются местами в узком, географическом, смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память общества. Их главная функция – сохранение коллективной памяти [9].

Очевидно, что в представленной группе мнений разных авторов выявляется сходство интерпретаций понятий историческая, коллективная и социальная память.

Вторая группа трудов. Представлена работами Я. Ассмана, М. Хальбвакса, Ю. Лотмана и др. Авторы концентрируют внимание на понятиях историческая, коллективная и социальная память. Однако, ряд понятий значительно расширяется за счёт понятия «культурная память». В своих работах авторы разъясняют сущность, содержание и механизмы влияния на общество и личность.

В научный оборот термин «культурная память» впервые был введен немецким учёным Я. Ассманом [2, с. 61]. Он развивает теорию социальной памяти М. Хальбвакса и структурирует память по уровням, выделяя коммуникативную и культурную память.

Коммуникативная память представляет собой «живую память» индивидов и социальных групп. Она возникает в процессе межпоколенного общения, является малоформализованной и сохраняется на протяжении жизни трех-четырёх поколений. Культурная память рассматривается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, которые передаются от поколения к поколению и удерживают лишь наиболее значимые события прошлого. Такая память имеет формализованный характер, сохраняется традицией и выражается в различных мемориальных знаках: в памятных местах, в датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках.

Белорусский социолог Н₃ Л. Мысливец отмечает, что как и

многие другие критики «социальных рамок» М. Хальбвакса, Я. Ассман выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления (пусть и метафорического) понятий «групповая память» и «память нации». Вместе с тем разработанная им теория культурной памяти в целом построена на том же фундаменте, что и у других авторов [8, с. 67–75].

Выделяют среди других трудов Ю. М. Лотмана его работу «Память в культурологическом освещении». Как отмечал исследователь, «с точки зрения семиотики культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство, в пределах которого некоторые общие черты могут сохраняться и могут быть актуализированы» [7, с. 200].

Практики научного осмысления понятий, связанных с центральным понятием «историческая память» приводят к тому, что на фоне уже устоявшихся подходов появляются новые, что позволяет раскрыть проблему на более высоком методологическом уровне. Так, обращение к понятию «коммуникативная память» помогает раскрыть тенденции современного этапа развития общественных процессов, связанных с ценностью общения между людьми и связей между поколениями.

Третья группа научных трудов. Представлена работами таких авторов как П. Рикёр, российский социолог Л. Д. Гудков и др. Авторы обращают внимание на соотношении понятий индивидуальной и коллективной памяти. П. Рикёр исследовал память в трех измерениях: как феномен сознания; как реконструкцию исторических событий; как живую память личности.

По мнению П. Рикёра, «...ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов...» [11, с. 174]. Поэтому он предлагал «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических по отношению друг к другу подходах» [11, с. 174]. Учёный высказал предположение о существовании «...между двумя полюсами – индивидуальной и коллективной памятью – промежуточного плана динамических отношений с близкими, располагающимися на разных дистанциях между Я и Другими...» [11, с. 184]. В этой коммуникации и обнаруживается

соотношение индивидуальной и коллективной памяти.

Мысливец Н.Л. предлагает обратить внимание на работы российского социолога *Л. Д. Гудкова* [3, с. 83–103]. Л. Д. Гудков пишет о том, что воспоминание может быть представлено как «социальное взаимодействие, в котором воспомяющий неявно обращается к значимому Другому. Если индивидуальные воспоминания выстраиваются как цепочки биографических или семейных обстоятельств, то они привязаны к плану частной истории. Коллективные же представления конституируются иначе... Поэтому коллективные представления нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний..., это всегда совершенно иначе выстроенные “реконструкции” исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной солидарности, либо с изложением коллективных мифов...» [3, с. 86–87].

В работах авторов представлена позиция, связанная с необходимостью установления баланса между индивидуальной и коллективной памятью, даются аргументы, обосновывающие этот подход.

Четвертая группа научных трудов. Представлена работами российских авторов таких как *Л. Ю. Логунова, А. Н. Алексеев, В. В. Нуркова*. Авторы концентрируют внимание на таких понятиях как «семейно-родовая память», «автобиографическая память».

Л. Ю. Логунова пишет, что «семейно-родовая память соединяет социальную и семейно-родовую память человека, актуализирует прошлый опыт поколений и является мощным ресурсом корректировки будущего» [6, с. 69].

Понятия «семейная и историческая память» в сравнительном аспекте использует в своих работах А. Н. Алексеев. Автор отмечает, что носителем исторической памяти может быть общество в целом, социальный институт (наука, искусство, школа, СМИ), социальная группа, в определенном смысле и индивид...» [1, с. 49–50].

Носителем семейной памяти могут быть только семья и индивид. Семейная память в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти, которая многократно опосредована — как всей совокупностью исторических источников и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, так и, в особенности, актуальными общественными представлениями.

Историческая память человека может включать в себя и семейную, как существенное олицетворение первой. Семейная память всегда пересекается, переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества»

[1, с. 50].

В. В. Нуркова очертила роль исторического компонента в индивидуальной автобиографической памяти. Она сделала важные выводы о функционировании исторических воспоминаний в структуре автобиографической памяти, раскрыла «механизм деятельностного присвоения исторического знания» через актуализацию разных форм работы. Интересными являются ее работы, связанные с фотографией как источником фиксации прошлого и инструментом памяти [10].

Выделение таких видов памяти как семейно-родовая память, автобиографическая память значительно расширяет круг авторов, которые обращаются к проблематике исторической памяти.

Список использованных источников и литературы

1 Алексеев, А. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы / А. Алексеев // Телескоп. – 2007. – № 4. – С. 49–50.

2 Ассман, Я. Культурная память. • Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. слав. культуры (Кошелев), 2004.

3 Гудков, Л. Д. «Память о войне» и массовая идентичность россиян. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005.

4 Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Собрание сочинений. Том 1. – М. : Гнозис, 1994.

5 Дюркгейм, Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1995.

6 Логунова, Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы / Л. Ю. Логунова / Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 379. – С. 69–75.

7 Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю. М. Избранные статьи. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992.

8 Мысливец, Н. Л. Память коллективная versus память индивидуальная: к вопросу о симфоничности / Н. Л. Мысливец // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 4. – С. 65–74.

9 Нора П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс]. Режим доступа : [http:// es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html](http://es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html). Дата доступа: 22.03.2018.

10 Нуркова, В. В. Свершенное продолжается: психология

автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М. : УРАО, 2000.

11 Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М. : Издательство гуманит. литературы, 2004.

12 Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во : А. Курилкин, 2007.

13 Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц. Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 131–141.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. Ф. СКОРИНЫ